

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ

Глава 1

ТРЕБУЮТСЯ МУЖЧИНЫ: возраст 21—40, желат. холостые, воен. или тех. образов., хор. физ. данные — для высокооплач. работы, связ. с загран. поездками. Обращаться: «Компания прикладных исследований», 305, Вост., 45, с 9 до 12 и с 14 до 18.

—...Работа, как вы понимаете, довольно необычная, — продолжал мистер Гордон, — к тому же носит весьма конфиденциальный характер. Надеюсь, вы умеете хранить секреты?

— Как правило, да, — ответил Мэнс Эверард. — Конечно, смотря что за секреты.

Гордон улыбнулся, не разжимая губ. Такую странную улыбку Эверард видел впервые. Гордон говорил на правильном английском, был одет в обычный костюм, но что-то выдавало в нем иностранца. И не просто странное сочетание смуглого безбородого лица, узких глаз азиата с тонким, правильной формы носом. Но что?..

— Не думайте, мы не шпионы, — сказал он.

Эверард смущенно улыбнулся.

— Извините. Только не считайте, пожалуйста, что я заразился той же истерией, что и большинство моих соотечественников. И вообще, у меня никогда не было допуска к секретной информации. Просто в вашем объявлении упомянуты заграничные поездки... Обстановка сейчас такова, что... Ну, вы же понимаете, я не хочу потерять свой заграничный паспорт.

Эверард был крупным широкоплечим мужчиной с загрубевшим и обветрившимся лицом и коротко стриженными каштановыми волосами. Его документы лежали на столе: свидетельство об увольнении из армии и справки о работе инже-

нером-механиком в нескольких компаниях. На них Гордон взглянул мельком.

В кабинете не было ничего необычного: письменный стол, два кресла, шкаф с картотекой, дверь, ведущая в соседнюю комнату. Через открытое окно сюда, на шестой этаж, доносился грохот нью-йоркской улицы.

— У вас независимый характер, — сказал наконец Гордон, глядя на Эверарда через письменный стол. — Это хорошо. Многие, приходя сюда, так пресмыкаются, словно они будут рады и пинку под зад. Конечно, с вашими данными вы вряд ли станете хвататься за что попало, даже при нынешних обстоятельствах. Да и это... трудоустройство демобилизованных...

— Меня заинтересовало ваше предложение, — сказал Эверард. — Как вы видите, я работал за границей и хотел бы поехать еще. Но, честно говоря, я пока совсем не представляю, чем вы занимаетесь.

— О, очень многим, — туманно ответил Гордон. — Итак, вы воевали во Франции и в Германии...

От удивления Эверард моргнул: в армейском свидетельстве имелся список его наград, но он готов был поклясться, что Гордон не успел его прочесть.

— Гм... Не могли бы вы покрепче сжать руками выступы на подлокотниках вашего кресла? Благодарю вас. Как вы реагируете на опасность?

— Послушайте!.. — возмутился Эверард.

Гордон покосился на прибор, лежавший перед ним на столе, — небольшую коробочку с двумя шкалами и стрелкой.

— Неважно. Как вы относитесь к интернационализму?

— Слушайте, что...

— К коммунизму? Фашизму? К женщинам? Чем увлекаетесь? Благодарю вас, это все. Вы можете не отвечать.

— Черт побери, что все это значит? — резко спросил Эверард.

— Не беспокойтесь — просто небольшой психологический тест. Ваши взгляды меня интересовали не сами по себе, а как отражение основных ценностных ориентиров.

Гордон откинулся на спинку кресла и соединил кончики пальцев обеих рук.

— Пока все выглядит многообещающе. А теперь — о глав-

ном. Как я уже говорил, наша работа носит в высшей степени конфиденциальный характер. Мы... э-э... собираемся преподнести небольшой сюрприз нашим конкурентам, — он усмехнулся. — Если считаете нужным, можете донести о нашей беседе в ФБР. Нас уже проверяли и убедились в нашей полной благонадежности. Вы убедитесь, что мы действительно занимаемся финансовыми операциями и инженерными изысканиями по всему миру, но у нашей работы существует еще один аспект, для которого нам требуются люди вроде вас. Я заплачу вам сто долларов, если вы согласитесь пройти в другую комнату и подвергнуться тестированию. Вся процедура займет около трех часов. Если вы не выдержите испытания — на этом все закончится. Если выдержите, мы заключим с вами контракт, расскажем о предстоящей работе и начнем обучение. Вы согласны?

Эверард засомневался. Пожалуй, его слишком торопят. Что-то не так с этой фирмой. Пустой кабинет, любезный иностранец... Хотя ладно, решено.

— Я подпишу контракт, но лишь после того, как вы расскажете мне, чем занимаетесь.

— Как вам угодно, — Гордон пожал плечами. — Пусть будет так. Все равно о вашей согласии или несогласии имеет смысл говорить только после проведения тестов. Мы используем весьма современные методики.

Это, во всяком случае, оказалось чистой правдой. Эверард немного разобрался в методах и технике современной психологии — энцефалографах, ассоциативных тестах, многопрофильных опросниках, но среди множества гудевших и мигавших вокруг него приборов не было ни одного даже отдаленно знакомого. Вопросы, которые задавал ему ассистент — совершенно лысый человек неопределенного возраста с бледным, лишенным всякого выражения лицом, казались абсолютно бессмысленными. А металлический шлем, который Эверарду предложили надеть, — что он собой представляет? И куда тянутся от него многочисленные провода?

Эверард поглядывал на приборные панели, но буквы на них были совершенно незнакомы: не английские, не французские, не русские, не греческие, не китайские... Ничего подобного в году 1954-м от Рождества Христова вроде бы не существовало. Возможно, уже тогда у него забрезжила догадка...

С каждым новым тестом в нем крепло ощущение, что только сейчас он узнает себя по-настоящему. Мэнсон Эммерт Эверард, тридцати лет, лейтенант инженерных войск армии США, демобилизован, работал конструктором и эксплуатационником в Америке, Швеции и на Аравийском полуострове; до сих пор холост, хотя все больше завидует своим женатым друзьям; постоянной подруги нет; любит книги; неплохой игрок в покер; интересуется яхтами, лошадьми и ружьями; отпуска посвящает пешим походам и рыбалке. Все это Эверард знал и раньше, но лишь по отдельности, как кусочки мозаики. А сейчас внезапно все слилось воедино, и он ощутил каждую свою черточку как неотъемлемую часть единого целого.

Он вышел из комнаты изможденный, потный. Гордон протянул ему сигарету, а сам стал быстро просматривать кодированные записи с результатами тестов, которые принес ему ассистент. Время от времени он бормотал себе под нос: «Так... кортикальная функция зет-20... здесь недифференцированная оценка... психическая реакция на антитоксин... дефект центральной координации...»

В его голосе слышался странный акцент — такого произношения гласных Эверарду не доводилось слышать ни в одном из диалектов английского языка.

Гордон оторвался от записей лишь через полчаса. Эверард порядком разозлился: это бесцеремонное исследование раздражало его все больше и больше. Но любопытство все же пересилило.

— Ну, наконец-то! — Гордон широко улыбнулся, сверкнув неправдоподобно белыми зубами. — Да будет вам известно, мне пришлось отвергнуть уже двадцать четыре кандидатуры. Но вы нам подходите. Вы определенно подходите...

— Для чего? — Эверард склонился вперед, его сердце учащенно забилося.

— Для Патруля. Вас ждет работа, похожая на работу полицейского.

— Вот как? Где же?

— Везде. И всегда. Приготовьтесь: сейчас вам придется испытать небольшое потрясение. Видите ли, наша компания, занимаясь вполне законной деятельностью, является лишь прикрытием и источником доходов. Основная же работа заключается в том, что мы патрулируем время.

Глава 2

Академия находилась на американском Западе олигоценового периода — теплой эпохи лесов и зеленых равнин, когда крысоподобные прародители человека пугливо прятались, почуввав приближение гигантских млекопитающих. Академия была основана тысячу лет назад с расчетом на полмиллиона лет активной деятельности — достаточный срок, чтобы обучить столько сотрудников Патруля Времени, сколько будет необходимо. Затем Академию старательно уничтожат, чтобы от нее не осталось ни малейших следов. На место, где она стояла, придут ледники, а потом появятся люди, которые в 1932 году (7841 год Мореннианской Победы) раскроют секрет темпоральных путешествий, вернуться в олигоценовый период и построят Академию.

Комплекс длинных низких зданий с обтекаемыми контурами и переливчатой окраской расположился на зеленых лужайках среди исполинских древних деревьев. За Академией лесистый склон плавно спускался к большой коричневой реке. Ночью с другого берега иногда раздавался трубный зов титанотерия или отдаленный визг саблезубого тигра.

С пересохшим горлом Эверард вышел из темпомобиля (фактически машины времени) — большой металлической коробки без каких-либо внешних деталей. Он испытывал те же чувства, что и в первый день службы в армии, двенадцать лет назад (или через пятнадцать-двадцать миллионов лет, смотря что брать за точку отсчета): одиночество, беспомощность и отчаянное желание вернуться домой, не уронив при этом своего достоинства. Из других темпомобилей тоже выходили люди — всего около пятидесяти молодых мужчин и женщин, — и он немного успокоился. Вместе новички собрались не сразу — все, похоже, чувствовали себя не в своей тарелке. Не решаясь заговорить, они поначалу только разглядывали друг друга. На одном из мужчин Эверард увидел воротничок и котелок времен президента Гувера, но тут были представлены не только стили одежды и причесок, известные Эверарду до 1954 года. Откуда, например, явилась вон та девушка в переливчатых брюках в обтяжку, с зеленой помадой и причудливо уложенными желтыми волосами? Откуда... вернее, из какого времени?

Возле Эверарда остановился молодой человек лет двадцати пяти с худым, продолговатым лицом, одетый в потертый твидовый костюм, — словом, англичанин. Его подчеркнуто невозмутимый вид наводил на мысль о тщательно скрываемом большом горе.

— Привет, — сказал Эверард. — Может, пока познакомимся?

Он назвал свое имя и год, из которого прибыл.

— Чарльз Уиткомб, Лондон, 1947 год, — нерешительно отозвался мужчина. — Служил в Королевских ВВС, демобилизовался... Это предложение показалось мне большой удачей, но сейчас... Не знаю.

— Все может быть, — сказал Эверард, думая о зарплате. Пятнадцать тысяч в год, и это лишь для начала! Правда, еще предстоит разобраться, что здесь называют «годом». Скорее всего, имеется в виду личное биологическое время.

К ним подошел стройный молодой человек в плотно облегающей серой форме; наброшенный поверх нее темно-синий плащ мерцал, словно расшитый звездами. Приветливо улыбаясь, он заговорил без всякого акцента:

— Общий привет! Добро пожаловать в Академию! Надеюсь, все говорят по-английски?

Эверард заметил среди своих спутников мужчину в потрепанном мундире вермахта, индуса и еще несколько человек явно неевропейского вида.

— Пока вы не выучите темпоральный, будем пользоваться английским. — Он подбоченился. — Меня зовут Дард Келм. Я родился... минутку... в 9573 году по христианскому летоисчислению, но специализируюсь по вашему периоду. Период, к слову сказать, охватывает годы с 1850 по 1975-й — все присутствующие родились в этом временном интервале. Если у вас что-то стрясется, я — ваша официальная Стена Плача. Вы, вероятно, ожидали увидеть что-то совершенно иное, но наша Академия — не конвейер, поэтому от вас здесь не потребуют школьной или армейской дисциплины. Каждый, наряду с общим курсом, пройдет индивидуальное обучение. Здесь никого не наказывают за неуспеваемость, потому что ее быть не может: предварительное тестирование не только практически исключает ее, но и сводит к минимуму возможность неудачи в вашей работе. По меркам ваших культур каждый из вас —

вполне сложившаяся, зрелая личность, однако ваши способности неодинаковы, и поэтому для достижения наилучших результатов с каждым будут заниматься персонально. Порядки у нас очень простые, единственное правило — обычная вежливость. Вам будут созданы все условия и для учебы, и для отдыха. Невозможного никто требовать не станет. Добавлю, что охота и рыбалка здесь отличные, а если отлететь на пару-другую сотен миль — то просто фантастические. Теперь, если нет вопросов, прошу следовать за мной. Я покажу вам, где вы будете жить.

Дард Келм познакомил их с техническим оснащением жилых комнат. Оно соответствовало, наверное, нормам 2000-го года: функциональная мебель, меняющая форму по желанию владельца, бар-автомат, телеприемник, подключенный к гигантской видеотеке... Ничего сверхъестественного. Каждый новобранец получил в этом общежитии комнату. Питались все в центральной столовой, но если кто-то устраивал у себя вечеринку, то закуски доставлялись и в комнаты. Эверард почувствовал, что внутреннее напряжение постепенно уходит.

По случаю знакомства устроили банкет. Блюда оказались привычными — в отличие от безмолвных роботов, сервировавших стол. Хватало и вина, и пива, и сигарет. В пищу, видимо, что-то было добавлено, потому что Эверард, как, впрочем, и остальные, ощутил легкую эйфорию. Он уселся за пианино и стал наигрывать буги-вуги; человек пять-шесть принялись подпевать нестройными голосами.

Только Чарльз Уиткомб держался в стороне. Сидя в углу, он угрюмо потягивал вино, и тактичный Дард Келм не пытался вовлечь его в общее веселье.

Эверард решил, что здесь ему понравится, хотя все еще толком не представлял, что ему придется делать, зачем и как.

— Темпоральные путешествия открыли в период распада Хоританской Ересииархии, — сказал Келм, обращаясь к аудитории. — С деталями вы ознакомитесь позже, а сейчас прошу поверить на слово: это было беспокойное время, когда коммерческая и генетическая конкуренция между гигантскими синдикатами обернулась схваткой не на жизнь, а на смерть, все рушилось, а различные правительства стали пешками в большой галактической игре. Темпоральный эффект оказался побочным продуктом исследований проблемы мгновенной

пространственной транспортировки. Некоторым из вас понятно, что для ее математического описания требуется привлечение аппарата бесконечно-разрывных функций... впрочем, это относится и к путешествиям в прошлое. Основы теории вам изложат на занятиях по физике, а пока я просто скажу, что этот процесс выражается через сингулярные отображения в континууме с размерностью $4N$, где N — полное число элементарных частиц во Вселенной. Разумеется, Группа Девяти, совершившая это открытие, отдавала себе отчет в возможностях его применения. Не только коммерческих — таких, как торговля, добыча сырья и прочие, которые вы легко можете додумать, но и в возможности нанести противнику внезапный смертельный удар. Теперь вы видите, что время — это не просто независимая переменная: прошлое можно изменить и...

— Вопрос!

Элизабет Грей, девушка из 1972 года, которая в своем времени была подающим надежды молодым физиком, подняла руку.

— Слушаю вас, — вежливо сказал Келм.

— Мне кажется, что вы описываете логически невозможную ситуацию. Исходя из того, что мы находимся в этом зале, я допускаю возможность путешествий во времени, но событие не может одновременно произойти и не произойти. Здесь есть внутреннее противоречие.

— Противоречие возникает лишь в том случае, если вы пользуетесь обычной двузначной логикой с законом исключенного третьего, — возразил Келм. — Рассмотрим такой пример: допустим, я отправился в прошлое и помешал вашему отцу встретиться с вашей матерью. В этом случае вы бы никогда не родились. Этот фрагмент истории Вселенной выглядел бы по-другому, причем другим он был бы всегда, хотя я и продолжал бы помнить о «первичном» состоянии мира.

— Ну а если вы сделаете то же самое с собственными родителями? — спросила Элизабет. — Вы перестанете существовать?

— Нет, поскольку я бы принадлежал отрезку истории, предшествовавшему моему вмешательству. Давайте применим это к вам. Если вы вернетесь, положим, в 1946 год и сумеете предотвратить брак ваших родителей в 1947 году, то вы все же

останетесь существовать в этом году; вы не исчезнете лишь потому, что именно вы явились причиной произошедших событий. Даже если вы окажетесь в 1946 году всего за одну микросекунду до того, как выстрелите в человека, который, пойдя все по-другому, стал бы вашим отцом, то и тогда вы не перестанете существовать.

— Но как я могу существовать, не... не родившись? — запротестовала она. — Как я могу жить, иметь воспоминания и... и все остальное — даже не появившись на свет?

Келм пожал плечами.

— Что с того? Фактически, вы говорите о том, что закон причинности или, строго говоря, закон сохранения энергии применим только к непрерывным функциям. На самом деле эти функции могут быть и разрывными.

Он усмехнулся и наклонился над кафедрой.

— Разумеется, кое-что и в самом деле невозможно. К примеру, по чисто генетическим причинам вы не можете стать собственной матерью. Если вы вернетесь в прошлое и выйдете замуж за вашего отца, то ни одна из родившихся у вас девочек не будет вами, поскольку они будут иметь лишь половину вашего набора хромосом.

Он откашлялся.

— Давайте больше не отвлекаться. Я излагаю только основы — подробности вы узнаете из других курсов. Итак, продолжим. Группа Девяти обнаружила, что можно вернуться в прошлое и упредить замыслы своих врагов или вообще не дать им родиться. Но тут появились данеллиане.

Келм впервые оставил свой небрежный, полушутливый тон. Он выглядел как человек, оказавшийся перед лицом непознаваемого.

— Данеллиане — это часть будущего, — тихо сказал он. — Я имею в виду наше общее будущее — более чем через миллион лет после моего времени. Человек превратился во что-то... это невозможно описать. Вероятно, вы никогда не встретитесь с ними, но если все-таки встретитесь, то будете... потрясены. Они не злы и не добры — просто они за пределами нашего восприятия. Они настолько же отстоят от нас, насколько мы — от тех насекомоядных, которые станут нашими предками. Встреча со всем этим лицом к лицу не сулит ничего хорошего.

Данеллиане вмешались, потому что под угрозой оказалось само их существование. Для них темпоральные путешествия стары как мир, причем глупости, алчности и безумию не раз представлялась возможность проникнуть в прошлое и вывернуть историю наизнанку. Данеллиане не хотели запрещать эти путешествия (ибо это одна из составных частей того комплекса явлений, который привел к появлению их самих), но были вынуждены регулировать их. Группе Девяти не удалось осуществить свои планы. Тогда же, для поддержания порядка в этой сфере, был создан Патруль Времени.

Ваша работа будет протекать в основном в ваших собственных эпохах — если вы не получите статуса агента-оперативника. Вы будете жить, как и все, иметь семью и друзей. Скрытая от других сторона вашей жизни принесет вам удовлетворение: она даст деньги, защиту, возможность проводить отпуск в очень интересных местах. Но, главное, вы будете ощущать чрезвычайную важность вашей работы. Вы всегда должны быть готовы к вызову. Иногда вам придется помогать темпоральным путешественникам, столкнувшимся с теми или иными трудностями, иногда — выполнять особые задания, становясь на пути новоявленных конкистадоров — политических, военных или экономических. Бывает и так, что зло уже свершилось; тогда, по горячим следам, Патруль предпринимает контрмеры, которые должны вернуть ход истории в нужное русло.

Желаю всем вам удачи!

Обучение началось с физической и психологической подготовки. Эверард впервые осознал, сколь неполноценно жил раньше — и физически, и духовно: в сущности, он был лишь наполовину тем, кем мог бы стать. Эти тренировки давались ему нелегко, но тем радостнее было впоследствии ощущать полный контроль над своим телом, над эмоциями, которые, благодаря дисциплине чувств, стали глубже, осознавать, насколько быстрее и точнее стал он мыслить.

В процессе обучения у него был выработан рефлекс против разглашения сведений о Патруле: в беседе с непосвященными он теперь не смог бы даже намекнуть на существование такого института. Это стало для него совершенно невозможным — как прыжок на Луну. Кроме того, он изучил все уголки и закоулки психики человека двадцатого века.

Темпоральный — искусственный язык, на котором патрульные всех времен и народов разговаривали друг с другом, не опасаясь посторонних, был чудом простоты и выразительности.

Эверард полагал, что хорошо разбирается в военном деле, но здесь ему пришлось освоить боевые приемы и оружие многочисленных поколений, живших на протяжении пятидесяти тысяч лет: и приемы фехтования бронзового века, и циклический бластер, способный аннигилировать целый континент. При возвращении в свое время его снабдят небольшим арсеналом, но в случае командировок в другие эпохи явные анахронизмы разрешались только в крайних случаях.

Затем началось изучение истории, естественных наук, искусств и философии, а также особенностей произношения и поведения. Последнее относилось только к периоду между 1850 и 1975-м годами; перед выполнением заданий в других временных отрезках патрульный должен был получить сеанс гипнопедического инструктажа. Именно гипнопедия позволила пройти весь курс обучения за три месяца.

Эверард ознакомился с организацией Патруля Времени. Где-то «впереди», в таинственном будущем лежала цивилизация данеллиан, но прямая связь с ней почти отсутствовала. Патруль был сформирован на полувойсковой манер — со званиями, но без уставных формальностей. История делилась на регионально-временные интервалы; в каждом из них действовала сеть резидентур, подчинявшихся региональному штабу, который размещался под вывеской какой-нибудь фирмы в крупном городе одного из двадцатилетий данного периода. В его времени таких отделений было три: Запад, Россия и Азия. Их штаб-квартиры находились в Лондоне, Москве и Бэйпине (так тогда назывался Пекин) беззаботного двадцатилетия 1890—1910-х, когда маскировка не требовала таких усилий, как в последующие годы, которые контролировались только небольшими филиалами, такими, как «Компания прикладных исследований». Рядовой работник резидентуры жил обычной жизнью обычного гражданина своего времени. Темпоральная связь осуществлялась курьерами или крохотными автоматическими капсулами, снабженными устройством, исключающим появление двух разных посланий одновременно.

Организация была настолько огромна, что Эверард иногда

сомневался в ее реальности. И он все еще не мог оправиться от потрясения, вызванного новизной и необычностью происходящего...

Наставники относились к своим подопечным по-дружески и при случае были не прочь с ними поболтать. Как-то раз с Эверардом разговорился седой ветеран, сражавшийся в Марсианской войне 3890 года, а теперь обучавший их управлению космическими кораблями.

— Вы, ребята, схватываете все буквально на лету. С кем приходится адски трудно, так это с парнями из доиндустриальных эпох. Мы теперь даем им только азы и даже не пытаемся двинуться дальше. Был тут у нас один римлянин времен Цезаря — толковый малый, но у него никак не укладывалось в голове, что машину нельзя понукать, как лошадь. А вавилоняне вообще не представляют, что во времени можно путешествовать. Приходится кормить их россказнями о битвах богов.

— А чем вы кормите нас? — спросил молчавший до этого Уиткомб.

Космический волк, сощурившись, взглянул на англичанина.

— Правдой, — ответил он. — Той, которую вы в состоянии принять.

— А как здесь оказались вы?

— Нас накрыли неподалеку от Юпитера. По правде говоря, от меня осталось совсем немного. Это немногое забрали сюда и вырастили для меня новое тело. Из моих людей не уцелел никто, меня самого считали погибшим, поэтому возвращаться домой не имело смысла. Жить по указке Корпуса Управления — радости мало. Вот я и обосновался здесь. Отличная компания, работа непыльная, отпуск в любую эпоху. — Он усмехнулся. — Погодите, вот попадете еще в период упадка Третьего Матриархата! Веселая там жизнь, скажу я вам.

Эверард молчал. Он был просто зачарован зрелищем огромной Земли, поворачивающейся на фоне звезд.

С однокурсниками Эверард подружился. Их объединяло очень многое — да и как могло быть иначе? Ведь в Патруль отбирали людей сходного типа, со смелым и независимым складом ума. Завязалось несколько романов. Разлучать возлюбленных никто не собирался, и они сами выбирали, в какой

год — его или ее — им отправиться после учебы. Девушки Эверарду нравились, но головы он старался не терять.

Как ни странно, но самая прочная дружба возникла у него с молчаливым и угрюмым Уиткомбом. Что-то привлекало его в англичанине: славный малый и вдобавок хорошо образованный. Славный, но какой-то потерянный...

Однажды они отправились прогуляться верхом — на лошадях, отдаленные предки которых спасались сейчас бегством из-под копыт своих гигантских потомков. В надежде подстрелить кабана-секача, которого он недавно видел поблизости, Эверард взял с собой ружье. Оба были одеты в форму Академии: легкие шелковистые серые костюмы, дававшие ощущение прохлады даже под палящими лучами желтого солнца.

— Не пойму, почему нам разрешают охотиться, — заметил Эверард. — Допустим, я убью саблезубого тигра — скажем, в Азии, — который при других обстоятельствах съел бы одного из насекомоядных предков человека. Разве будущее от этого не изменится?

— Нет, — ответил Уиткомб, успевший продвинуться в изучении теории темпоральных перемещений гораздо дальше своего товарища. — Понимаешь, пространственно-временной континуум ведет себя как сеть из тугих резиновых лент. Его нелегко деформировать — он всегда стремится возвратиться к своему «исходному» состоянию. Судьба одного насекомоядного не играет никакой роли, все определяется суммарным генофондом популяции, который достанется затем человеку.

Точно так же, убив в эпоху Средневековья одну овцу, я во все не уничтожаю тем самым все ее потомство, которым, году к 1940-му, могут стать все овцы в мире. Несмотря на гибель своего далекого предка, овцы останутся там же, где и были, причем с теми же самыми генами: дело в том, что за такой длительный период все овцы (и люди тоже) становятся потомками всех ранее существовавших особей. Компенсация, понимаешь? Какой-нибудь другой предок рано или поздно передаст потомкам те гены, которые ты считал уничтоженными.

Или вот, допустим, я помешал Буту убить Линкольна. Даже если я сделал это со всеми возможными и невозможными предосторожностями, то, скорее всего, Линкольна застрелит кто-нибудь другой, а обвинят все равно Бута.

Только из-за этой эластичности времени нам и разрешают

путешествовать в прошлое. Если ты захочешь что-нибудь изменить, то тебе придется как следует все изучить, а потом еще и изрядно попотеть...

Он презрительно скривил губы.

— Внушение! Нам все твердят и твердят, что если мы вмешаемся в ход истории, то нас накажут. Мне нельзя вернуться в прошлое и застрелить этого проклятого ублюдка Гитлера в колыбели! Нет, я должен позволить ему вырасти, развязать войну и убить мою девушку...

Какое-то время Эверард ехал молча. Тишину нарушали только скрип кожаных седел да шелест высокой травы.

— Прости, — наконец сказал он. — Ты... ты хочешь рассказать об этом?

— Да. Правда, рассказ будет коротким. Ее звали Мэри Нельсон, она служила в женских вспомогательных частях ВВС. После войны мы собирались пожениться. В 1944 году она была в Лондоне. Все случилось семнадцатого ноября — я никогда не забуду эту дату. Она пошла к соседям — понимаешь, у нее был отпуск и она жила у матери в Стритеме. Тот дом, куда она пришла, был разрушен прямым попаданием снаряда «фау», а ее собственный дом совершенно не пострадал.

Кровь отхлынула от щек Уиткомба. Он уставился невидящим взглядом в пространство перед собой.

— Будет чертовски трудно не... не вернуться назад, хотя бы за несколько лет до этого. Только увидеть ее, больше ничего... Нет, я не осмелюсь.

Не зная, что сказать, Эверард положил руку на плечо товарища, и они молча поехали дальше.

Несмотря на то что каждый занимался по индивидуальной программе, к финишу все пришли одновременно. После краткой официальной церемонии выпуска началась шумная вечеринка. Все клялись помнить друг друга и договаривались о будущих встречах. Затем каждый отправился в то время, откуда прибыл, с точностью до часа.

Выслушав поздравления, Эверард получил от Гордона список агентов-современников (некоторые из них работали в секретных службах вроде военной разведки) и вернулся в свою квартиру. Не исключено, что позднее ему подыщут рабо-

ту на какой-нибудь станции слежения, а пока все его обязанности (для налоговой инспекции он числился специальным консультантом «Компании прикладных исследований») сводились к ежедневному просмотру десятка документов — он должен был искать в них все относящееся к темпоральным путешествиям. И быть наготове.

Случилось так, что первое задание он нашел для себя сам.

Глава 3

Было непривычно читать газетные заголовки, зная заранее, что за ними последует. Пропадал эффект неожиданности, но печаль не проходила, потому что трагичной была сама эпоха.

Ему стало понятнее желание Уиткомба вернуться в прошлое и изменить историю.

Но, конечно, возможности одного человека слишком ограничены. Вряд ли он изменит что-то к лучшему, разве что чисто случайно; скорее испортит все окончательно. Вернуться в прошлое и убить Гитлера и Сталина или японских генералов?.. Но их место могут занять другие, еще похлеще. Атомная энергия может остаться неоткрытой, а великолепный расцвет Византийского Ренессанса так никогда и не наступит. Ни черта мы не знаем...

Он выглянул в окно. В чахоточном небе мерцали отблески городских огней, улицу заполняли автомобили и спешащая куда-то безликая толпа. Небоскребы Манхэттена отсюда не были видны, но Эверард и так мог представить, как они надменно вздымаются к облакам. И все это — только один водоворот на Реке Времени, протянувшейся от мирного доисторического пейзажа Академии до невообразимого будущего данеллиан. Сколько триллионов человеческих существ жило, смеялось, плакало, работало, надеялось и умирало в ее струях!

Ну что ж... Эверард вздохнул, раскурил трубку и отвернулся от окна. Долгая прогулка не уменьшила его беспокойства: несмотря на поздний час, тело и мозг настоятельно требовали действия... Он подошел к книжной полке, выбрал наугад книгу и раскрыл ее. Это был сборник рассказов об Англии времен королевы Виктории и Эдуарда VII.

Внезапно одна из сносок в тексте привлекла его внимание — всего несколько фраз о трагедии в Эддлтоне и о необычной находке в древнем британском кургане. Темпоральное путешествие? Он улыбнулся своим мыслям.

И все же...

«Нет, — подумал он. — Ерунда».

Все же проверить стоит, хуже от этого не будет. Судя по сноске, произошло это в Англии в 1894 году. Можно пролистать старые подшивки лондонской «Таймс». Хоть какое-то занятие...

Похоже, что другой цели у этой глупой затеи с просмотром газет и не было: просто изнывавший от скуки мозг ухватился за первую попавшуюся идею.

До открытия публичной библиотеки еще оставалось время, а он уже стоял на ступенях перед входом.

Первая статья была датирована 25 июня 1894 года, за ней последовали еще несколько. Эддлтон, небольшой поселок в графстве Кент, был известен, главным образом, поместьем времен короля Якова, принадлежавшим лорду Уиндему, и древним могильным курганом. Владелец поместья, страстный археолог-любитель, занялся раскопками, воспользовавшись помощью эксперта Британского музея Джеймса Роттерита, приходившегося ему родственником. Лорд Уиндем обнаружил захоронение, но довольно бедное: несколько полусгнивших и проржавевших предметов, а также человеческие и лошадиные кости. Там же находился ящик, выглядевший, в отличие от всего остального, как новенький и наполненный слитками неизвестного металла, предположительно какого-то сплава свинца или серебра. Лорд Уиндем вскоре слег от неизвестной болезни с признаками отравления сильнодействующим ядом. Косвенные улики указывали на то, что Роттерит подсыпал своему родственнику какого-то восточного снадобья. 25 июня лорд Уиндем скончался, и в этот же день Скотланд-Ярд арестовал ученого. Семья Роттерита наняла известного частного детектива, который путем остроумных рассуждений, подтвержденных опытами на животных, сумел доказать, что обвиняемый невиновен и что причиной смерти лорда Уиндема явилась «смертоносная эманация», исходящая от слитков. Роттерит, который только заглядывал в ящик, не пострадал. Ящик

вместе с его содержимым выбросили в Ла-Манш. Все поздравляют детектива. Конец фильма.

Эверард еще некоторое время сидел в длинном тихом зале. Да, негусто. Хотя, конечно, это происшествие наводит на вполне определенные мысли.

Но почему в таком случае викторианское отделение Патруля не провело расследования? Или провело? Вероятно. Вряд ли они станут оповещать всех о его результатах.

И все-таки докладную записку послать стоит.

Вернувшись в квартиру, Эверард взял одну из выданных ему маленьких почтовых капсул, вложил в нее рапорт, набрал координаты лондонского отделения и дату: 25 июня 1894 года. Когда он нажал на последнюю кнопку, капсула исчезла. С приглушенным хлопком воздух заполнил пространство, где она только что находилась.

Через несколько минут капсула возникла на прежнем месте. Эверард открыл ее и вынул большой лист бумаги с аккуратно напечатанным текстом. Ну да, конечно: пишущие машинки к 1894 году уже были изобретены. Он теперь владел скорочтением и прочел ответ за несколько секунд.

Милостивый государь!

В ответ на Ваше послание от 6 сентября 1954 г. подтверждаю сим его получение и выражаю искреннюю признательность за Ваше внимание. Расследование здесь только что началось, но в настоящий момент мы заняты предотвращением убийства Ее Величества, а также балканским вопросом, проблемой опиумной торговли с Китаем в 1890 г. (22370) и пр. Несмотря на то что мы можем, конечно, уладить текущие дела и вернуться затем назад, чтобы заняться Вашим вопросом, желательно не делать этого, поскольку одновременное нахождение в двух разных местах может оказаться замеченным. Поэтому будем весьма признательны, если Вы, а также квалифицированный британский агент сможете прибыть сюда для участия в расследовании. Если Вы не уведомите нас об отказе, будем ожидать Вас по адресу: Олд-Осборн-роуд, 14-Б, 26 июня 1894 г. в полночь.

С глубочайшей признательностью,

*Ваш покорный слуга
Дж. Мэйнуззеринг*

Дальше следовала колонка пространственно-временных координат, плохо сочетавшаяся со всей этой цветистостью стиля.

Эверард позвонил Гордону и, получив его одобрение, договорился о подготовке темпороллера на «складе» компании. Затем он послал записку Чарльзу Уиткомбу в 1947 год, получил в ответ короткое «согласен» и отправился за машиной.

Темпороллер был оснащен антигравитационным генератором и напоминал мотоцикл с двумя сиденьями, но без руля и колес. Эверард ввел в машину координаты места, где должен был встретиться с Уиткомбом, нажал стартер и оказался на другом складе.

Лондон, 1947 год. Он на мгновение задумался, вспоминая, чем сейчас занимается тот Эверард, который на семь лет моложе... Он сейчас в Штатах, учится в колледже.

Протиснувшись мимо охранника, вошел Уиткомб.

— Рад увидеть тебя снова, старина, — сказал он, обменявшись с другом рукопожатием. Осунувшееся лицо осветилось хорошо знакомой Эверарду обаятельной улыбкой. — Значит, викторианская эпоха?

— Она самая. Забирайся.

Эверард вводил новые координаты. Теперь их целью было учреждение, точнее, личный кабинет его главы.

Один миг, и все вокруг них преобразилось. Дубовая мебель, толстый ковер, горящие газовые светильники — перемена была разительной. Электрическое освещение в это время уже существовало, но солидная торговая фирма «Дэлхаус энд Робертс» за модой не гналась. Из кресла навстречу им поднялся крупный мужчина с густыми бакенбардами и моноклем. Несмотря на напыщенный вид, в Мэйнуэзеринге чувствовалась сила. Его безукоризненный оксфордский выговор Эверард понимал с большим трудом.

— Добрый вечер, джентльмены! Надеюсь, путешествие было приятным? Ах да, виноват... Ведь вы, кажется, еще новички в нашем деле? Поначалу это всегда приводит в замешательство. Помню, как был шокирован, попав в двадцать первый век. Все такое неанглийское... Но что поделаешь, так устроен мир! Только другая грань все той же вечно новой Вселенной... Вы должны меня извинить за недостаток госте-

приимства: мы сейчас страшно заняты. Немец-фанатик, узнавший в 1917 году секрет темпоральных путешествий от какого-то беспечного антрополога, украл его аппарат и явился сюда, в Лондон, чтобы убить Ее Величество. На его поиски уходит чертовски много времени.

— Вы его найдете? — спросил Уиткомб.

— А как же. Но работа дьявольски сложная, джентльмены, особенно когда приходится действовать тайно. Мне хотелось бы нанять частного детектива, но единственный подходящий чересчур умен. Он действует по принципу, согласно которому, устранив заведомо невозможное, вы всегда приходите к истине, какой бы неправдоподобной она ни казалась. Однако боюсь, что идея темпоральных путешествий может показаться ему не столь уж неправдоподобной.

— Готов поспорить, это тот самый человек, который расследует Эддлтонское дело, — сказал Эверард. — Или он возьмется за него завтра? Впрочем, это неважно: мы уже знаем, невиновность Роттерита он сумеет доказать. Важно другое: есть все основания предполагать, что кто-то пробрался в прошлое к древним бриттам и затеял какую-то авантюру.

— Ты хочешь сказать, к саксам, — поправил друга Уиткомб, который успел навести справки. — Очень часто путают бриттов и саксов.

— Столь же часто путают саксов с ютами, — мягко заметил Мэйнуэзеринг. — Кент, насколько я помню, захватили юты. М-да... Одежда вот здесь, джентльмены. И деньги. И документы. Для вас подготовлено все. Мне иногда кажется, что вы, полевые агенты, не вполне осознаете, скольких трудов стоит управлениям проведение одной, даже самой незначительной операции. Ха! Пардон. У вас есть план действий?

— Думаю, да. — Эверард начал снимать одежду двадцатого века. — О викторианской Англии мы оба знаем вполне достаточно, чтобы не привлекать к себе внимания. Я, пожалуй, так и останусь американцем... Ах да, вы уже указали это в моих документах.

Мэйнуэзеринг помрачнел.

— Если, как вы говорите, инцидент с курганом попал даже в художественную литературу, то нас просто завалят докладными. Ваша пришла первой, за ней последовали две другие —

из 1923 года и из 1960-го. Боже милосердный, ну почему мне не разрешают завести робота-секретаря?

Эверард сражался с непокорным костюмом. Размеры одежды для каждого патрульного хранились в архиве управления, и костюм пришелся ему впору, но только сейчас он смог оценить удобство одежды своего времени. Чертов жилет!

— Послушайте, — начал он. — Дело вряд ли окажется опасным. Поскольку сейчас мы находимся здесь, то оно должно было оказаться неопасным, а?

— Так-то оно так, — сказал Мэйнуэзеринг. — Но допустим, что вы, джентльмены, отправляетесь во времена ютов и обнаруживаете там этого нарушителя. Но вам не везет. Прежде чем вы успеете выстрелить в него, он стреляет в вас сам. Возможно, он сумеет подкараулить и тех, кого мы пошлем после вас. Тогда ему удастся устроить промышленную революцию или что-нибудь в том же духе. История изменится. Поскольку вы попадете в прошлое до поворотного пункта, вы будете существовать и дальше... пусть в виде трупов. А мы... Нас здесь никогда не будет. И не было. Этого разговора никогда не было. Как сказано у Горация...

— Не беспокойтесь! — рассмеялся Уиткомб. — Сначала мы исследуем курган в этом времени, а потом вернемся к вам и решим, что делать дальше.

Он наклонился и начал перекидывать содержимое своего чемоданчика в чудовищное изделие из цветастого материала, называвшееся в конце девятнадцатого века саквояжем: два пистолета, изобретенные в далеком будущем физические и химические детекторы, а также крохотную рацию для экстренной связи с управлением.

Мэйнуэзеринг тем временем листал справочник Брадшо.

— Завтра утром вы можете уехать кентским поездом 8.23, — сказал он. — Отсюда до вокзала Чаринг-Кросс добраться не более получаса.

— Хорошо.

Эверард и Уиткомб снова уселись на темпороллер и исчезли. Мэйнуэзеринг зевнул, оставил записку секретарю и отправился домой. В 7.45 утра, когда роллер материализовался на том же самом месте, клерк уже сидел за своим столом.

Глава 4

Именно тогда Эверард впервые по-настоящему ощутил реальность темпоральных путешествий. Умом он их, конечно, воспринимал и раньше, в меру восторгался, но и только: чувствам они ничего не говорили. А теперь, проезжая по незнакомому Лондону в двухколесном кебе (самом настоящем кебе, запыленном и помятом, а вовсе не в имитирующем старину экипаже для катания зевак-туристов), вдыхая воздух, в котором, по сравнению с городом двадцатого века, было куда больше дыма и совсем не было выхлопных газов, наблюдая за уличной толчеей — за джентльменами в цилиндрах и котелках, за чумазыми чернорабочими, за женщинами в длинных платьях (не за актерами, а за живыми людьми, разговаривающими и потеющими, веселыми и печальными — за людьми, занятыми своими делами), он с неожиданной остротой ощутил, что и сам находится здесь. Его мать еще не родилась, его дедушки и бабушки только что поженились. Президентом Соединенных Штатов был Гровер Кливленд, Англией правила королева Виктория, творил Киплинг, а последним восстаниям американских индейцев еще предстояло произойти... Да, это было настоящее потрясение.

Уиткомб волновался меньше, но и его не оставил равнодушным увиденный воочию один из дней былой славы Англии.

— Я начинаю понимать, — прошептал он. — Там, в будущем, все еще спорят, был ли этот период эпохой неестественных пуританских условностей и почти не прикрытой жестокости или последним расцветом клонящейся к упадку западной цивилизации. Но, глядя на этих людей, понимаешь, что справедливо и то и другое: историю нельзя втиснуть в рамки простых определений, потому что она складывается из миллионов человеческих судеб.

— Конечно, — сказал Эверард. — Это справедливо для любой эпохи.

Поезд оказался знакомым: он почти не отличался от тех, что курсировали по английским железным дорогам в 1954 году. Это дало Уиткомбу повод для едких замечаний о нерушимых традициях. Через несколько часов они прибыли на маленькую сонную станцию, окруженную ухоженными цветниками, и наняли там коляску, чтобы добраться до поместья Уиндема.

Вежливый констебль задал несколько вопросов и пропустил их. Они выдавали себя за археологов (Эверард — из Америки, Уиткомб — из Австралии), спешно приехавших в Англию, чтобы встретиться с лордом Уиндемом по поводу его находки, и потрясенных его безвременной кончиной. Мэйнуэзеринг, который имел связи, наверное, повсюду, снабдил их рекомендательными письмами от какого-то авторитета из Британского музея. Инспектор Скотланд-Ярда разрешил им осмотреть курган («Дело ясное, джентльмены, все улики налицо, хотя мой коллега и не согласен — ха, ха!»). Частный детектив кисло улыбнулся и окинул прибывших пристальным взглядом: в чертах его лица, да и во всей его высокой худой фигуре было что-то ястребиное. Повсюду за ним ходил прихрамывая какой-то коренастый усатый мужчина, по-видимому секретарь.

Продолговатый курган до самого верха зарос травой: расчищено было только место раскопок. Стены могильника когда-то были обшиты изнутри грубо обтесанными балками, но они давным-давно обрушились, и их сгнившие остатки валялись на земле.

— В газетах упоминался какой-то металлический ящик, — сказал Эверард. — Нельзя ли на него взглянуть?

Инспектор кивнул и повел их к небольшой пристройке. Основные находки были разложены там на столе и представляли собой лишь куски ржавого металла и обломки костей.

— Хм-м... В высшей степени необычно, — сказал Уиткомб. Его взгляд был прикован к гладкой стенке небольшого сундучка, отливавшей голубизной: какой-то неподвластный времени сплав, которого в эту эпоху еще не знали. — Не похоже на ручную работу. Вряд ли такое можно сделать без станка, а?

Эверард осторожно приблизился. Он уже догадывался, что находится внутри, а человека, прибывшего из так называемого атомного века, не нужно учить, как действовать в подобных ситуациях. Он достал из саквояжа радиометр и направил его на ящик. Стрелка дрогнула — едва заметно, но...

— Интересная штучка, — заметил инспектор. — Могу ли я узнать, что это такое?

— Экспериментальная модель электроскопа, — солгал Эверард.

Он осторожно открыл крышку ящика и подержал детектор над ним. Боже! Такого уровня радиоактивности достаточно, чтобы убить человека за сутки. Окинув взглядом несколько брусков с тусклым отливом, лежавших на дне ящика, он быстро захлопнул крышку и сказал дрогнувшим голосом:

— Будьте с этим поосторожней!

Благодарение небесам, кто бы ни был владельцем этого дьявольского груза, там, откуда он прибыл, умели защищаться от радиации!

Сзади бесшумно подошел частный детектив. Его худое лицо выражало охотничий азарт.

— Итак, сэр, вам известно, что это такое? — спокойно спросил он.

— Думаю, да.

Эверард вспомнил, что Беккерель откроет радиоактивность только через два года. Даже о рентгеновских лучах станет известно не раньше чем через год. Нельзя говорить ничего лишнего...

— Этот металл... В индейских племенах я слышал рассказы о редком металле, очень похожем на этот и чрезвычайно ядовитом...

— Очень любопытно. — Детектив принялся набивать большую трубку. — Вроде ртутных паров, так?

— Выходит, коробку в могильник подбросил Роттерит, — пробормотал полицейский.

— Инспектор, да вас просто засмеют! — перебил его детектив. — Я располагаю тремя убедительными подтверждениями полной невиновности Роттерита; загадкой оставалась только реальная причина смерти его светлости. Но, судя по словам этого джентльмена, все произошло из-за яда, находившегося в захоронении... Чтобы отпугнуть грабителей? Непонятно, однако, как у древних саксов оказался американский металл. Не исключено, что гипотеза о плаваниях финикийцев через Атлантику не лишена оснований. Когда-то у меня возникло предположение о наличии в уэльском языке халдейских корней, а теперь этому, похоже, нашлось подтверждение¹.

---

¹ Этим исследованием Шерлок Холмс занимался в 1897 году (см. рассказ А. Конан Дойла «Дьяволова нога»). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Эверард почувствовал вину перед археологией. Ладно, ящик скоро утопят в Ла-Манше, и все о нем забудут. Под каким-то предлогом они с Уиткомбом быстро откланялись и ушли.

По пути в Лондон, оказавшись в купе, англичанин достал из кармана покрытый плесенью кусок дерева.

— Подобрал возле захоронения, — пояснил он. — По нему мы сможем определить возраст кургана. Дай-ка, пожалуйста, радиоуглеродный счетчик.

Он вложил кусочек дерева в приемное отверстие, повертел ручки настройки и прочел ответ:

— Тысяча четыреста тридцать лет, плюс-минус десяток. Курган появился... м-м... в 464 году; юты тогда только-только обосновались в Кенте.

— Если эти бруски до сих пор так радиоактивны, — пробормотал Эверард, — какими же они были первоначально, а? Ума не приложу, как можно совместить столь высокую радиоактивность с большим периодом полураспада, но, выходит, в будущем могут делать с атомом такие вещи, которые нам пока и не снились.

Они провели день как обычные туристы, а Мэйнуэзеринг, получивший полный отчет о командировке, рассылал тем временем запросы в различные эпохи и приводил в действие гигантскую машину Патруля. Викторианский Лондон заинтересовал Эверарда и даже, пожалуй, очаровал, несмотря на грязь и нищету.

— Мне хотелось бы жить здесь, — сказал Уиткомб, и на лице его появилось мечтательное выражение.

— Вот как? С их медициной и зубными врачами?

— Но зато здесь не падают бомбы! — В словах англичанина послышался вызов.

Когда они вернулись в управление, Мэйнуэзеринг уже собрал необходимую информацию. Заложив пухлые руки за спину и сцепив их под фалдами фрака, он расхаживал взад-вперед и, попыхивая сигарой, выкладывал новости.

— Металл идентифицирован с большой степенью вероятности. Изотопное топливо из тридцатого столетия. Проверка показывает, что купец из империи Инг посещал 2987 год, чтобы обменять свое сырье на их синтроп, секрет которого был

Содержание

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ	
<i>Перевод Н. Науменко.</i>	5
ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ЦАРЕМ	
<i>Перевод Н. Науменко.</i>	52
ГИБРАЛТАРСКИЙ ВОДОПАД	
<i>Перевод Н. Науменко.</i>	101
ЕДИНСТВЕННАЯ ИГРА В ГОРОДЕ	
<i>Перевод Н. Науменко.</i>	114
DELENDA EST	
<i>Перевод Н. Науменко.</i>	152
«...И СЛОНОВУЮ КОСТЬ, И ОБЕЗЬЯН, И ПАВЛИНОВ»	
<i>Перевод А. Корженевского, А. Ройфе.</i>	198
ПЕЧАЛЬ ГОТА ОДИНА	
<i>Перевод К. Королева.</i>	291
ЗВЕЗДА НАД МОРЕМ	
<i>Перевод А. Кириченко.</i>	397
ГОД ВЫКУПА	
<i>Перевод А. Мельникова.</i>	547